

Почему же среди пяти кандидатов, отобранных Хань Чжаном, четверо уже успели побывать в браке?

Причина крылась в одной простой и неумолимой истине: в древности женились рано.

Девушек и гэров в эту эпоху начинали сватать лет с тринадцати-четырнадцати, а кое-где присматривать партии начинали и вовсе в одиннадцать-двенадцать. Если к восемнадцати годам гэр всё ещё оставался не у дел, значит, либо его задержали какие-то особые обстоятельства, вроде траура по близкому или разрыва помолвки, либо в его характере, здоровье или репутации имелся изрядный изъян.

Поэтому, с учётом возрастных требований Хань Чжана, большинство оставшихся кандидатов оказывались либо разведёнными, либо вдовами, и это было вполне нормальным положением вещей.

Хань Чжан ничуть не смущала мысль жениться на разведённом гэре. Он пришёл из современного мира, пережил апокалипсис, и его терпимость к подобным вещам была поистине безграничной. Раз уж он решил есть мягкий рис, то и у золотой покровительницы вполне могли обнаружиться небольшие изъяны, это даже логично.

Но вот кандидаты с детьми от прежнего брака решительно не годились. Дело было не в презрении и не в брезгливости, а в простой человеческой природе: родители, у которых уже есть дети от первого брака, почти всегда склонны к фаворитизму, и со временем это лишь усугубится. Ему же нужен был гэр, целиком и полностью преданный ему одному.

Поскольку его брак был задуман исключительно ради выгоды, он и выбирал вариант, приносящий максимальную прибыль.

Таким образом, в сухом остатке оставалось лишь три кандидата: один вдовец, один разведённый и один неженатый, но с изрядно подмоченной репутацией.

На этом этапе можно было переходить к заключительному шагу.

А именно, оценить внешность!

Хотя ради мягкого риса Хань Чжан был готов терпеть многое, но ведь это партнёр, с которым ему предстояло прожить бок о бок добрую половину жизни, и он всё же хотел выбрать того, чья внешность попадала в его эстетические предпочтения. В конце концов, у него имелись свои принципы, и он вовсе не собирался, едва выбравшись в люди, первым же мечом отрубить голову своей законной супруге.

Отлично, выберу из этих троих!

И вот, Хань Чжан снова отправился лазить по чужим стенам.

Все его кандидаты были сыновьями мелких чиновников четвёртого-пятого ранга, и охрана в их домах была более чем скромной. А с учётом навыков, отточенных в апокалипсисе, и растительной сверхспособности, служившей надёжным прикрытием, проникнуть в эти усадьбы было проще простого.

Первый кандидат — законнорождённый гэр младшего министра Далисы, четвёртого ранга, вернувшийся в отчий дом после смерти мужа.

Характер у него был кроткий, в ведении хозяйства он разбирался превосходно, перед свёкрами был образцово почтителен, но внешность его была лишь милой и приятной... пока под вопросом.

Второй кандидат — гэр от наложницы, помощника начальника управления докладов, вернувшийся домой после развода.

Лицом он вышел просто красавцем, и в хозяйстве был искусен, и пел, и танцевал, воплощая собой идеал красавицы, коротавшей вечера за чтением книг при свете свечи. Вот только характер у него оказался чересчур приземлённым, и сам он мечтал забраться повыше... не подходит.

Третий кандидат — законнорождённый гэр директора департамента ритуалов, пятого ранга, на данный момент неженатый.

Характер у него был простодушный, до наивности, и склонность к обжорству и праздности.

Причина, по которой он до сих пор не был обручён, крылась в интригах внутренних покоев: родные братья и сёстры раз за разом наносили ему удары в спину, переманивая его женихов, и так его помолвки растянулись до невиданных сроков.

В моральном плане серьёзных изъянов у него не наблюдалось, зато нрав у него был вспыльчивый, стоило ему проиграть в споре, как он хватался за плетё и пускал её в ход, а ещё он любил поплакать и покапризничать. Живое, бойкое и избалованное создание, полностью попадающее в эстетические предпочтения Хань Чжана.

Маленький плакса.

Типичный красавец-простачок, которого легко утешить и ещё легче обмануть.

И, что самое важное... этот гэр был просто невероятно красив.

Брови и глаза, словно нарисованные искусным мастером, а облик исполнен такой утончённой прелести.

Отлично, Шэнь Цинлань, ты мне подходишь!

Больше не раздумывая, Хань Чжан с довольным видом вынес окончательное решение.

Богатая и красивая жена — это же просто замечательно.

...

И в то же самое время.

Столица. Усадьба семьи Шэнь, директора департамента ритуалов, пятого ранга.

Шэнь Цинлань, только что в очередной раз лишившись жениха, носился по дому с плетью в руке, гонялся за обидчиком и заходил в громких рыданиях, выражая своё негодование.

— Шэнь Цинцюань, как ты мог сотворить подобное? Пусть вторые и третьи жёны и их отпрыски соблазнили моего жениха, с ними мы и так враги, но мы с тобой родные братья по одной матери, и ты тоже пришёл переманивать мою партию...У-у-у, три помолвки сорвались одна за другой, теперь я посмешище всей столицы, Шэнь Цинцюань, с этой минуты у меня больше нет такого младшего брата!

И действительно, дурная слава Шэнь Цинланя и его нежелание жениться до восемнадцати лет объяснялись не только его скверным характером, но и тем, что все три его помолвки были разбиты родными братьями и сёстрами, которые соблазняли его женихов и увозили их себе.

Один-два раза люди сочувствовали, но на третий раз в столице начали подозревать, что с ним что-то не так.

Иначе как объяснить, что вполне приличного гэра так упорно не берут замуж?

Однако правда заключалась в том, что Шэнь Цинланя несправедливо оклеветали!

Даже самый совершенный гэр не мог противостоять ветреной мужской натуре, а его сводные братья и сёстры, хотя и уступали ему в красоте, зато превосходили в мягкости нрава, с малых лет обучаясь у наложниц науке обольщения мужчин и не брезгуя потерять достоинство ради выгоды.

Первые два жениха оказались мелочными и падкими на красоту, и результат был предсказуем.

Зато третий жених, поначалу, и впрямь был в него влюблён, воспылал к нему страстью с первого взгляда и, не взирая на пересуды, заключил с ним помолвку.

Увы!

Третий жених оказался из тех, кто любит всех и сразу, и жалеет слабых.

Ему нравился Шэнь Цинлань, это правда, но ему также было жаль его родного младшего брата, и в итоге он вознамерился взять их обоих в жёны, на равных правах.

Мог ли такой гордый, как Шэнь Цинлань, с этим смириться?

Разумеется, он тут же отказал.

Три помолвки, сорвавшиеся одна за другой, и теперь Шэнь Цинлань стал в столице поистине знаменит.

Как ему было не злиться и не страдать от обиды?

А Шэнь Цинцюань, за которым гонялись с плетью, тоже чувствовал себя пристыжённым и возмущённым одновременно.

— Второй брат, я виноват, что расстроил твою помолвку, но раз дело зашло так далеко, неужели ты сваливаешь всю вину на одного меня? Тебе уже дважды отказали, и в этот раз не следовало отказываться от звания второй жены, которое предложил наследник, и уж тем более не следовало поднимать такой шум, из-за которого вся наша усадьба стала посмешищем столицы...

Он признавал, что питал некоторые нежные чувства к наследнику Цзиньянского графства.

Ведь наследник графства был не только знатного рода, но и облачался в изысканные одежды, имел кроткий нрав и мягкий характер, и был объектом воздыханий половины девушек и гэров столицы, и он не был исключением.

Но он и в мыслях не держал переманивать жениха у родного брата, он просто хотел похоронить свои чувства поглубже.

Кто же знал, что наследник тоже обратил на него внимание... Он не устоял, и между ними завязалась связь, после которой он мучился раскаянием и чувствовал себя ужасно виноватым перед старшим братом.

Но второй брат оказался слишком глуп.

Если бы он не поднял такой шум, не устроил скандал на всю округу, разве дело дошло бы до такого позора?

Размышляя об этом, Шэнь Цинцюань бросил косой взгляд на госпожу Шэнь, и в его голосе зазвучали обиженные нотки:

— Матушка, ты и вправду будешь смотреть, как второй брат меня хлещет? Ты с самого детства ты лелеяла второго брата.

— Цюаньэр, как ты можешь так говорить о своей матери...

Госпожу Шэнь ранили слова сына, и её лицо омрачилось.

— Хватит, Ланьэр, до каких пор ты будешь устраивать эти сцены? — рявкнул Господин — Шэнь Цюаньэр прав, если бы не твоя глупость, дело не дошло бы до такого. Семейный срам не выносят из избы, нельзя было разобраться дома, ты обязательно должен был устроить представление на потеху публике. Теперь твоя помолвка снова расстроена, репутация Цюаньэра тоже пострадала, доброе имя всей усадьбы под вопросом, а ты ещё смеешь злиться...

Каждое слово было упрёком, и господин Шэнь был по-настоящему разгневан тем, что семейный скандал стал достоянием гласности.

Госпожа Шэнь, жалея сына, не выдержала и вступилась:

— Господин, не кори его так, Ланьэр и так натерпелся, как ему не обижаться.

— Когда один в почёте, все в почёте, когда один в опале, все в опале. Разве его обида оправдывает то, что он ставит под удар репутацию всего дома? Избалованные матери растят избалованных детей, посмотри на него, приличный гэр, а только и делает, что размахивает плетью, даже если бы не было этих разорванных помолвок, его всё равно бы никто не взял!

Господин Шэнь, не сдержавшись, ляпнул тяжёлые слова, и тут же пожалел об этом.

Он и вправду нелюбил наложниц и их детей больше, чем Ланьэра, просто все три помолвки были связаны с его карьерой, и между карьерой и Ланьэром он, разумеется, выбрал карьеру.

Но Ланьэра, своего законнорождённого сына, он тоже любил и не хотел причинять ему слишком сильную боль.

Однако.

Шэнь Цинлань уже заливался слезами, которые так и хлестали из его глаз:

— Батюшка...

И в этот самый миг.

Второй брат, Шэнь Хуайчжи, с которым Шэнь Цинлань был ближе всех, наконец примчался на помощь.

— Батюшка, право же, смешон, всякий раз в почёте вы, а в опале опять Ланьэр!

— Первые две помолвки Ланьэр ещё стерпел, молча проглотил обиду, но теперь, в третий раз, кто бы это вытерпел?

— Батюшка, если ты такой смелый, иди и разбирайся с наследником Цзиньянским, наш семейный срам расплзся по столице только потому, что он вознамерился наслаждаться обществом сразу нескольких жён и взять обоих братьев в жёны, кто же не увидит в этом насмешки?

Шэнь Хуайчжи говорил и заслонял собой младшего брата, пряча его за своей спиной.

И когда рядом наконец оказался человек, всецело на его стороне, Шэнь Цинлань разрыдался ещё громче:

— У-у-у, второй брат, они все меня обижают...

Братья были друг другу ближе всех.

Шэнь Хуайчжи, жалея его, принялся утешать:

— Не бойся, второй брат тебя защитит.

Но не успел Шэнь Цинлань порадоваться.

Как господин Шэнь, не в силах сдержать раздражения, бросил:

— Ты его защитишь? Да ты сам-то, невежда, даже «Канон трёх иероглифов» не можешь выучить без запинки, только и знаешь, что играть в сверчков да травить петухов, распутник,

сам с собой не справишься, откуда у тебя такая смелость говорить подобное?

У него с госпожой было пятеро законнорождённых детей.

Двое сыновей, двое гэров и одна дочь.

Старший сын, старшая дочь и младший гэр были умны, образованны и рассудительны.

И только второй сын и второй гэр, словно у них произошла генетическая мутация, один оказался распутником, у которого голова болела от одной мысли о книгах, а второй был красивым, но совершенно безмозглым забиякой.

И именно эти двое были друг другу ближе всех, стоило им собраться вместе, как они превращались в двух маленьких демонов.

И, разумеется Шэнь Хуайчжи, получив нагоняй, не только не пристыдился, но, напротив, воспринял это как похвалу и заявил:

— Ну и что, что я распутник? Зато я распутник, который всегда говорит по совести, различает добро и зло, не содержит наложниц в ущерб жене и любит младшего брата. Я не продам его ради выгоды, так что я вообще-то очень даже замечательный!

Господин Шэнь, к которому была обращена эта скрытая насмешка: ...

Шэнь Цинлань, всхлипывая, закивал в согласии:

— Именно, второй брат самый лучший, он в десять раз лучше тебя, батюшка.

— В общем, батюшка с матушкой, решайте, как вы будете компенсировать второму брату ущерб, если Ланьэр останется недоволен, мы перевернём этот дом вверх дном. — продолжил Шэнь Хуайчжи.

Шэнь Цинлань тут же подхватил:

— Второй брат прав, в этот раз, если меня всё не устроит, я лучше вообще не буду жениться, переверну усадьбу Шэнь вверх дном, а потом уйду в храм, буду коротать дни при свете лампы перед Буддой, в общем, моя жизнь на этом закончена!

Братья держались так, словно им уже было всё равно, и они ничего не боялись.

Господин Шэнь пришёл в ярость.

Госпожа Шэнь, вытирая слёзы, принялась увещевать:

— Господин, думай о главном, думай о главном.

Кто ходит босиком, тому не страшны те, кто в обуви.

— Какую же компенсацию вы хотите? — сквозь зубы спросил господин Шэнь, не видя другого выхода.

— Кроме того, что по прежним правилам мне должна достаться половина приданого Цюаньэра, батюшка, ты ещё должен лично компенсировать мне десять тысяч лянов серебряными билетами, и брать не из общей казны, а из своего личного тайника.

Заявил Шэнь Цинлань.

Господин Шэнь прикинул, и хотя ему было больно расставаться с такой суммой, требования не казались ему чрезмерными.

— Хорошо, забирай билеты, и чтобы этот вопрос был закрыт, больше никаких сцен.

Шэнь Цинцюань, которому было больно отдавать часть приданого, всё же не посмел больше возражать, ведь он и вправду расстроил помолвку старшего брата, и его положение было шатким.

— Это ещё не всё! — добавил Шэнь Цинлань — Раз батюшка не желает меня защищать, с этой минуты ты не имеешь права вмешиваться в мою женитьбу, я буду решать сам.

— Нет. — не задумываясь, отказал Господин Шэнь.

Как может такой важный вопрос, как брак, решать молодой гэр.

Шэнь Цинлань фыркнул:

— Батюшка не хочет, хорошо, тогда я прямо сейчас устрою так, что доброе имя усадьбы Шэнь будет полностью разрушено! Чтобы ты больше не выбирал мне уродов и калек, потому что у тебя глаза слепые.

Господин Шэнь: ...

Господин Шэнь, у которого, как ему казалось, зрение было не самым острым, не нашёл ничего лучше, как тяжело вздохнуть и сдаться.

— Хорошо, хорошо, хорошо, с этой минуты вопросы по женитьбе решаешь ты сам, я не вмешиваюсь.

Вот так.

На этом дело и закончилось.

И только когда удовлетворённый Шэнь Цинлань, успокоился, Господин Шэнь наконец выдохнул, и, морщась от головной боли, пригрозил собравшимся слугам:

— Все свободны, если кто-нибудь посмеет вынести отсюда хоть слово о сегодняшнем, клянусь, что не пощажу никого и продам в рабство всей семьей!

— Слушаемся, господин.

Слуги в страхе упали на колени.

Увидев это, господин Шэнь наконец удалился, приказав доверенному слуге принести билеты из тайника.

Он совершенно не заметил, что госпожа Шэнь, продолжавшая утирать слёзы, подала знак своей кормилице.

И вот в тот же вечер, маленький тайник, который господин Шэнь прятал от всех долгие годы, был обнаружен госпожой Шэнь, Шэнь Хуайчжи и Шэнь Цинланем, заранее подготовившимися к этой операции, и тихонько, без следа разграблен!

<http://bllate.org/book/20159/2088121>